

Отзыв на диссертацию Краснобаевой Юлии Евгеньевны «Понятие «служение» и институт диаконата в раннем христианстве» на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история.

Возникновение христианства, развитие христианского вероучения и становление иерархических институтов в лоне будущей новой мировой религии – всё это принадлежит к вечно дискутируемым темам, где, казалось бы, уже давно хорошо известный и изученный круг источников не способствует, однако, окончательному решению проблем, связанных как со становлением основ вероучения первых христиан, так и с генезисом управленческих структур ранней церкви. По-прежнему мнения исследователей варьируются от представлений о достаточно централизованном управлении раннехристианскими общинами из единого центра до мнения об автономном и достаточно самостоятельном существовании общин. По-прежнему далеки от окончательного разрешения вопросы, касающиеся формирования трёхчинной иерархии и развития управленческих функций высшего и низшего клира.

Всё это обусловлено прежде всего неясностями, связанными с изучением терминологии, напрямую относящейся к теме христианского служения. В этом смысле Ю.Е. Краснобаева, автор рассматриваемого нами диссертационного исследования, взялась за попытку наметить основные пути решения данной проблемы, предложив систему лингвосемантического анализа лексики, относящуюся к понятиям служения в ранней церкви и к институту диаконата (как классического «служебного» чина как в ранней церкви, так и современной), в частности. При этом диссертантка не только

заполняет существенную лакуну в отечественной историографии, но и суммирует результаты, накопленные в зарубежной науке, где монографии наподобие капитальных исследований Х. фон Кампенхаузена, которые уже давно стали классическими в деле изучения данного вопроса.

В процессе выполнения диссертационного исследования Ю.Е. Краснобаева предприняла максимально подробный лингвосемантический анализ понятий, связанных с христианским служением. В этом отношении диссертантка обратилась к последовательному лексическому анализу греческой терминологии, относящейся к концепции служения, начиная с гомеровских поэм и кончая Септуагинтой и произведениями, относящимися к традиции эллинистического иудаизма (в первую очередь это касается трудов Филона Александрийского и Иосифа Флавия). Также в центре исследовательского внимания диссертантки оказалась проблема трансформации семантической коннотации, связанной с лексикой служения, в памятниках христианской литературы доникейского времени (в первую очередь – в произведениях Иринея Лионского, Климента Александрийского, Иоанна Златоуста и ряда других). В результате перед нами складывается целостная картина семантической эволюции целого ряда смысловых концептов, связанных с идеей служения, показана их связь с представлением о сакрализации пространства, откуда проистекает идея служения как отправления культа, имеющая в своей основе сакральное преобразование реальности, «освящение» её. При этом обращается внимание на проблему сакрализации понятий, изначально не имевших сакрального значения, что видно на примере Септуагинты. Основным, стержневым аспектом этой части диссертации является проблема динамики смысловых коннотаций, связанных со понятием *διάκονος* и связанных с ним слов (*διακονέω διακονία*), делается

вполне обоснованный вывод о том, что термин «диакон» заняло пустующую до определенного времени духовную нишу, связанной с довольно абстрактным понятием «духовного служения», а впоследствии термины *διάκονος*, *διακονέω* и *διακονία* вытеснили и заместили собой другие понятия служения, что отчетливо видно на примере вдумчивого анализа новозаветной литературы.

Таким образом, диссертантка вплотную подходит к второй стержневой проблеме своей работы – исследованию малоизученных проблем, связанных с генезисом и развитием служения диаконов и связанных с ним чинов низшего клира (диаконалиссы и иподиаконов) на материале обширного корпуса христианской литературы доникейского периода. Исследовательница касается запутанной «проблемы семи служителей» (Деян. 6:1-7), которые в разное время считались прототипом то института диаконов (впрочем, эта точка зрения до сих пор считается «канонической» в исторической традиции, принятой целым рядом христианских конфессий), то института пресвитеров. Солидаризируясь с мнением некоторых исследователей (в частности, Дж. Коллинза), диссертантка приходит к вполне обоснованному, на наш взгляд, выводу, что так называемые «семь человек изведанных» – это особый институт, не имеющих никаких точных параллелей с церковными иерархическими степенями последующих эпох. Просуществовав ограниченное количество времени, институт «семи» пресёкся в результате гонений и рассеяния первой иерусалимской общины.

Рассматривая генезис и развитие диаконата как низшей ступени трёхчинной иерархии (поставляемой через рукоположение, а не назначаемых через обычное благословение) диссертантка рассматривает функции

диаконов, разделяя их на административные и литургические. Обращается внимание на приоритетное положение диаконов как ближайших помощников епископа, чья относительная автономия с достаточной отчётливостью проявляется во времена гонений, когда диаконы посещали томящихся в темницах, заботились о вдовицах и девах, а также разносили Евхаристию для причащения запасными дарами тех верным, кто по разным причинам не мог присутствовать на литургии.

Касаясь института диаконисс, Ю.Е. Краснобаева берёт на себя труд до некоторой степени «реабилитировать» данные относительно генезиса этого вида женского служения, подвергавшиеся порой необоснованным гиперкритическим выпадам. По мнению диссертантки, новозаветную традицию всё-таки можно рассматривать как источник, раскрывающий истоки формирования «женского диаконата», однако более конкретная характеристика обязанностей этой части клира относится уже к более поздней эпохе. Функция диаконисс раскрывается на основании достаточно подробного анализа канонической, эпистолярной и исторической литературы, при этом анализируется вспомогательная функция диаконисс при совершении таинств (например, при крещении женщин), при наставлении оглашаемых женщин, готовящихся к крещению, при осуществлении каритативной деятельности (забота о вдовах и девах, уход за престарелыми и больными членами общины). Диссертантка также раскрывает причину постепенного изживания института диаконисс за счёт расширения полномочия диаконов и фактического «присвоения» полномочий диаконисс другими низшими членами клира.

Завершает текст диссертации ряд замечаний, характеризующий полномочия такой низшей ступени клира, как иподиаконы (они же в латинской традиции – субдиаконы). Делается особый акцент на их западном происхождении, на их вовлечённость в хозяйственные дела и на их непричастность к литургическим функциям, которая, однако, на проверку оказывается не столь уж и безусловной, поскольку целый ряд свидетельств (особенно более позднего времени) говорит о расширении полномочий иподиаконов в более позднюю эпоху, о наличии доступа с их стороны к священным сосудам, об их вовлеченности в совершении ряда литургических церемоний (естественно, на второстепенных ролях).

Выводы, сделанные диссертанткой, являются нетривиальными, интересными и особого возражения не вызывают. Однако позволим себе обратить внимание на определенного рода недоработки, устранение которых способствовало бы более полному раскрытию целого ряда постулированных в работе тем. В первую очередь, позволим себе выразить определённое недоумение относительно весьма выборочного привлечения материала, относящегося к латинскому Западу, однако именно с ним принято связывать упорядочивание функций церковного низшего клира, что отражено на материале целого ряда соборных постановлений. Весьма информативными в этом отношении являются каноны поместных карфагенских соборов, где постановления более поздних соборов (относящихся уже к середине – второй половине IV в.) суммирует данные более ранних соборов, самые первые из которых относятся к середине III в. Очень жаль, что ценнейший материал переписки Киприана Карфагенского затрагивается лишь походя, в то время как латинская лексика, характеризующая понятия служения, заслуживает отдельного рассмотрения в силу неразрывной связи как с нормами римского

права, так и с практикой муниципальных собраний. Думается, диссертанке следовало бы выделить в отдельный параграф информацию о диаконах содержащуюся в латинских источниках, начиная с эпохи Киприана. В связи с этим интересно отметить, что диаконы – первый чин в иерархии африканской Церкви, который в письмах Киприана фигурирует как *ministri*. Это понятие объединяет диаконов и пресвитеров и противопоставляется епископату (*Сур. Ер. Ш, I, 1*). Показательно, что понятие *minister* и *ministerium* полностью синонимичны их греческим эквивалентам *diakon* (гр. *διάκονος*), *diaconus* и *diaconatus*, которые в латинизированном виде также встречаются в переписке Киприана. Также, следовало бы, на наш взгляд, более подробно рассмотреть процедуру избрания и рукоположения диаконов. Помимо подробно проанализированных в диссертации данных, содержащихся в «Дидахе» и в «Постановлениях апостольских», представляется важным обратить внимание на трансформацию самой процедуры избрания, которая с определённого времени совершалась не публично, в присутствии клира и народа (что всегда оставалось непреложным в отношении епископов и пресвитеров), но проходила скорее на коллегиальной, а не на публичной основе. В этом отношении каноны IV Карфагенского собора, несмотря на своё позднее происхождение, вполне характеризуют практику, сложившуюся к середине III в. и отражённую в переписке Киприана. По данным IV Карфагенского собора, его рукополагал только один епископ, так как «посвящается он не в священство, а в служение» (*Con. Carth. IV, 4*). Подобное подчиненное положение диаконов было закреплено и в других постановлениях Собора где сказано, что диакон должен сознавать свою роль как слуг епископов и пресвитеров.

Что касается вопроса о служении иподиаконов, то, к сожалению, в работе остался практически незатронутым весьма дискуссионный вопрос относительно разграничения функций иподиакона в сравнении с другими низшими членами клира, в особенности с аколуфами. Практически иподиаконы были неотличимы от аколуфов – «спутников» епископа, которые разносили по титулам Святые Тайны, что приближало их ко званию диаконов. Приведенная в целом ряде ранних африканских соборов церемония посвящения в иподиаконы не несет никакого оттенка публичности (в отличие от некоторых известных образцов посвящения в диаконы) и напоминает скорее посвящение в члены римской традиционной религиозной коллегии, где также существовали лица, ответственные за отправление культа какого-либо божества. Что же касается функций иподиаконов, то, как указывает Исидор, их обязанность сводится обычно к тому, чтобы принимать от мирян пожертвования, подчиняться чинам левитов (то есть диаконов), а также подносить диаконам к алтарю чашу Св. Тайн (*Isid. De off. Min. X, 1*). Вообще же, на наш взгляд, следовало бы включить в корпус рассматриваемых источников трактат Исидора Севильского *De officiis ministrorum*, который, несмотря на своё позднее происхождение, аккумулирует целые пласты терминологических представлений, сложившихся в христианском мире и равнявшихся в течение многих столетий.

Также обращает на себя внимание некоторые терминологические неточности, например, «обряд крещения» (с. 239). Следует подчеркнуть, что Крещение является таинством, а само слово «обряд» (аналогия лат. *ritus*), ассоциирующееся с позднейшей практикой Римско-Католической Церкви, вряд ли, на наш взгляд, является приемлемым для характеристики

литургической жизни раннехристианских общин, не знавших «обряды», а использующих вполне конкретные богослужebные чины.

Следует всё-таки отметить, что указанные замечания являются рекомендательными и несколько не снижают научное качество проделанной диссертанткой работы. Диссертация является самостоятельным исследованием, предлагающим новые и нетривиальные выводы, основанные на кропотливой работе с источниками и аккумулирующим данные обширной историографической традиции на разных европейских языках. Выводы, сделанные диссертанткой, в целом корректны и серьёзных возражений не вызывают. Автореферат диссертации отражает основные положения исследования, а соискательница – Юлия Евгеньевна Краснобаева – заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук.

Диссертация Ю.Е. Краснобаевой является научно-квалификационной работой, отвечающей критериям, сформулированным в п. 9 Положения о присуждении ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир).

Канд. ист. наук,
доцент кафедры истории древнего мира
Института восточных культур и античности РГГУ *И.А. Копылов* И.А. Копылов

Подпись И.А. Копылова

УДОСТОВЕРЯЮ

Ученый секретарь РГГУ

29.04.2014

